Р. М. ЗОТОВ

Избранное

Рафаил Михайлович Зотов
Таинственный монах

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2376125

Аннотация

«…Феодор Алексеевич скончался, и в скором времени на Русском горизонте стали накопляться грозные тучи. Царевичи Иоанн и Петр были малолетние и Правительницею была назначена вдова Царица Наталья Кирилловна, но по проискам дочери её властолюбивой Софии это не состоялось. Она сама захватила в свои руки бразды правления и, несмотря на то, что по завещанию Феодора Алексеевича престол всероссийский принадлежал Петру, помимо старшего брата его Иоанна, слабого здоровьем, она настояла, чтобы на престол вступил Иоанн. Когда бояре, сановники и духовенство отправились к Иоанну с извещением, что по воле народа он избирается Царем, то трепещущий Царевич принял их предложение сказав: «Я не отрицаю быть царем, но из снисхождения ко мне прошу вас допустите любезного брата моего Петра царствовать со мною». Все удивились этому возражению, но никто не решился противиться воле Избранника. 23 июня совершилось коронование обоих Царей. Необычайно и опасно было разделение самодержавной власти между двумя лицами.

Это разделение давало Софии верный способ к захвату в свои руки самодержавия…»

Содержание

Часть первая 5
Глава I 5
Глава II 17
Глава III 21
Глава IV 26
Глава V 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Рафаил Михайлович Зотов
Таинственный монах

Часть первая

Глава I

В царствовании Алексея Михайловича в 1676 году, в один осенний, ненастный вечер улицы Москвы были пусты; с одной стороны потому что люди того времени ложились спать рано, а вставали с рассветом; с другой стороны холодная, ненастная погода и грязь на улицах по колено не располагали к ночным прогулкам.

В исходе девятого часа вечера в одной из улиц, близких к Кремлю, показался высокий в черной одежде человек, довольно скоро шагавший, держась поближе к домам, в коих, сквозь щели ставней кое-где мелькали огоньки; рядом с ним бежал мальчик лет четырех, держась посинелою от холода ручонкою за его одежду. Несмотря на непроглядную темноту в позднем путешественнике можно было узнать монаха.

Ночные путешественники приближались к Боровицким воротам, когда мальчик слезливым, дрожащим голосом сказал:

– Дядечка, я озяб.

– Согреешься, – глухо и угрюмо отвечал монах, продолжая свой путь настолько скорыми шагами, что мальчик едва мог следовать за ним бегом.

– Я устал, дядечка, – проговорил снова мальчик задыхающимся голосом.

– Отдохнешь, – сурово отвечал монах.

– Я промок, дядечка.

– Высохнешь, Бог вымочил, а люди высушат, – с оттенком раздражительности в голосе проговорил монах.

Войдя в Боровицкие ворота, ночные путешественники остановились у одного дома, ворота коего были заперты. Заметив небольшое углубление в стене дома, монах поставил мальчика и, сунув ему за пазуху небольшой сверток бумаги сказал:

– Ты, Гриша, постой здесь и отдай этот сверток тому, кто сейчас сюда придет.

– А ты, дядечка, уйдешь? – робко спросил Гриша, готовый заплакать.

– Да, уйду а ты подожди здесь. Молись Богу, помни меня, мы с тобою еще увидимся. Господь да будет к тебе милосерд!

Сказав это, монах схватил обеими руками голову Гриши и с жаром поцеловал ее. Не привыкший к таким ласкам Гриша с изумлением и непонятною тоскою смотрел на монаха, схватил безотчетно его руку, поцеловал и горько заплакал, сам не зная почему. Монах скрылся в ночной темноте, а Гри-

ша продолжал реветь, простирая свои окоченелые ручонки вслед монаху, не осмеливаясь последовать за ним. Видя бесполезность своих слез, он присел на корточки, прислонившись к стене и, благодаря затишью от ветра и дождя, вскоре уснул.

Спустя полчаса к воротам подъехали два всадника, из коих один, видимо слуга, соскочил с лошадей и стал стучать в ворота. На этот стук прежде всего отозвалась лаем цепная собака за воротами и вскоре подошел привратник и стал их отпирать. Ворота были отперты и подворотни сняты. Давая дорогу своему господину, слуга сделал два шага в сторону и наступил на ногу спавшему Грише, который взвизгнул, не столько от боли, сколько от испуга. Слуга в свою очередь, в испуге отскочил.

– Что там у тебя, Фомка? – спросил господин, осадив свою лошадь, готовую войти в ворота.

– Бог весть что такое, то ли зверь, то ли человек или сам домовой, – отвечал Фомка, набожно крестясь.

– Мне почудился голос ребенка, – сказал господин и прибавил, слезая с коня: – Эй, Степка, свети сюда фонарем!

Степка, крестясь и дрожа всем телом, робко двигался вперед, а Гриша стал кричать, призывая, как бы на помощь, себе дядечку.

Господин, взяв из рук Степки фонарь, смело подошел к Грише и спросил:

– Что ты тут делаешь, мальчуган?

– Виноват, не буду, – вопил Гриша.

– В чем виноват? Чего не будешь! – спросил господин, наклоняясь поближе к Грише.

– Не бей меня, дядечка! – лепетал Гриша, плаксивым голосом.

– Откуда ты и зачем здесь?

– Не знаю, дядечка.

– Не плачь мальчуган, – сказал господин и, обратясь к Фомке, проговорил:

– Веди его, Фомка в горницу.

С этими словами господин, который был не кто иной, как князь Хованский, командир одного из Стрелецких полков, войдя во двор, повернул налево, взошел на крыльцо и, толкнув дверь, вошел сначала в сени, а потом в просторную комнату, освещенную двумя сальными свечами. Фомка следовал, за ним, ведя Гришу за руку, который шел без сопротивления.

При помощи Фомки, Хованский разделся и, накинув на себя тулуп в виде халата, сел на скамью и, обратясь к Грише, который во время переодеванья Хованского, робко осматривал комнату, сказал ласковым тоном:

– Ну, теперь, мальчуган, подойди ко мне и говори смелее – кто ты будешь?

Гриша молчал и продолжал делать свой осмотр комнаты, но уже без признаков робости. Хованский, взяв мальчика за ручонку, привлек к себе и повторил свой вопрос.

– Не знаю, – отвечал Гриша.

– Как тебя зовут?

– Гришей.

– Кто твой отец?

– Что такое отец? – спросил в недоумении Гриша.

– Коли ты не знаешь, что такое отец, так мне трудно тебе растолковать. А мать у тебя есть? – продолжал Хованский.

– Что такое мать? – с возрастающим недоумением спросил Гриша.

– Ты не знаешь ни отца, ни матери, откуда же ты пришел?

– С улицы, – ответил Гриша.

– Кто тебя привел к этому дому?

– Дядечка.

– Зачем привел?

– Не знаю.

– Кто твой дядечка?

– Не знаю.

– Как его зовут?

– Дядечка.

– Ты его зовешь дядечка, а другие как его звали?

– Не знаю.

– Какой ты, Гриша, бестолковый.

В эту минуту Хованский заметил из-за пазухи мальчика торчащий сверток и спросил Гришу:

– Что это у тебя за бумага?

– Не знаю. Дядечка велел отдать ее тебе.

– Мне? Так ты меня знаешь?..

– Нет, не знаю.

Хованский сурово взглянул на Гришу и взявши сверток, развернул его и стал читать с трудом разбирая намокшую бумагу, на которой расплылись чернила. Прочитав бумагу, он угрюмо взглянул на мальчугана, опустил левую свою руку со свертком, а правою облокотясь на стол, подпер голову ладонью и некоторое время размышлял молчал, а потом, говоря сам с собою произнес:

– От Досифея… Странно… Кто бы это мог быть?.. Не понимаю… Но все равно, для этого мальчика я должен все сделать, – закончил Хованский и, обратись к Грише, сказал:

– Ну, Гриша! Из этой бумаги я узнал не больше, как от тебя самого. Дело в том, что ты должен остаться жить у меня. Рад ты, что у меня будешь жить?

– А как же, дядечка, я хочу с ним жить? – возразил Гриша, вместо прямого ответа на вопрос Хованского.

– Ты хочешь с ним жить, да он-то не хочет. Любопытно было бы знать, кто это столь добрый дядюшка, который подкидывает своих племянников к чужим людям. Коли ты, мальчуган, не знаешь кто твой дядечка, так раз скажи мне по крайней мере, как он был одет?

Гриша, насколько умел, описал Хованскому одежду человека, который привел его к дому князя.

– Так это монах Досифей и посылает его ко мне, тогда как у него хранится… – воскликнул в удивлении князь и вслед

затем погрузился в раздумье, которое было прервано приходом его супруги, высокой, стройной, красивой молодой женщины.

Княгиня была одета в сарафан малинового цвета, обложенный золотым галуном и мерлушкою. На белой, как мрамор шее ее, надето было жемчужное ожерелье, а на голове парчовый повойник. Войдя, княгиня низко поклонилась мужу, по обычаю того времени и, с покорностью в голосе, сказала:

– Ты звал меня, князь, что прикажешь?

Хованский поднял голову и, с некоторым смущением, приветливо сказал:

– Здравствуй, княгиня! Сегодня Бог благословил нас находкою. С этою грамоткою от преосвященного Досифея прислан к нам вот этот мальчуган. Прочитай, душенька, ты ведь у меня грамотейка.

Княгиня, взяв из рук мужа бумагу, приблизилась к свече и прочитала вслух следующее:

> «Блаженни презирали на нища и убога, сказал Спаситель мира. Сирота, порученный мне человеком, имя которого уже не существует на земле, явится к тебе, князь, сею моею грамотою. Его зовут Григорием. Он крещен в нашей православной вере; от роду ему три с половиною года. Прими его, обласкай, воспитай. Господь воздаст тебе за сие сторицею. Буди здрав. Мы

же все тебе кланяемся.

Досифей».

– Ну, что скажешь, моя дорогая? – с некоторым смущением спросил Хованский свою жену.

– Я жду твоих приказаний, князь, – робко отвечала княгиня.

– Я полагаю, что отказать Досифею нельзя. Примем мальчугана.

Княгиня с участием взглянула на Гришу и почтительно отвечала:

– Ты знаешь, князь, что я привыкла во всем тебе повиноваться. Помимо этого я готова и безродному сироте оказать ласки и попечения, какие оказывала родному нашему сыну. Долг христианский и воля твоя для меня священны.

– Знаю, княгиня, что ты добрая жена и нежная мать, а потому я с уверенностью обратился к тебе с настоящим предложением. Примем сиротку и Бог наградить нас за это.

Затем князь позвал Фомку и приказал ему отвести Гришу в детскую и сдать на попечение Афанасьевне и прибавил, обратись к Грише:

– Ступай, Гриша, ложись спать.

Фомка взял было мальчика за руку и хотел вести, он вырвался и резко проговорил:

– Я не хочу еще спать!

– Вот забавно! Чего же ты хочешь? – возразил смеясь от души Хованский.

– Я хочу горячего калача, – прошептал Гриша.

– Делать нечего, княгиня, давай нам чего-нибудь закусить, – сказал князь смеясь.

Гриша развязно сел на лавку около стола, едва вскарабкавшись на нее без посторонней помощи.

Смелость и непринужденность мальчика забавляли князя и он, угощая мальчика, ласково беседовал с ним, стараясь приспособляться к его понятиям. Гриша с откровенностью, свойственною детям, рассказал, что он никогда не видел людей в иной одежде, в какой был его дядечка. Насколько лепет Гриши забавлял князя, настолько княгиня становилась час от часу грустнее и молчаливее. Смелый Гриша неоднократно обращался к княгине со своими вопросами, но та отвечала наклонением головы, в знак согласия или только словами: «да» или «нет». Такого рода ответы видимо не понравились Грише и он, обратись к Хованскому спросил, указывая на княгиню.

– Что этот дядечка молчит? Немой он что ли?

Этот наивный вопрос мальчика заставил князя расхохотаться, и из него было понятно, что малютка воспитывался с раннего детства в мужском монастыре, никогда не видал женщин и что по его понятиям княгиня была такое же существо, как монахи, только в другой одежде. Князь хотел было объяснить Грише по этому поводу, но увидя, что его объяснения выше понятий мальчика, закончил тем, что приказал Фомке отвести Гришу в детскую. Чему Гриша беспреко-

словно повиновался. Он слез со скамейки, перекрестился на образа, поцеловал руки у князя и княгини и последовал за Фомкой.

Оставшись наедине с княгинею, Хованский встал из-за стола и в раздумье стал ходить по комнате. Наконец, обратись к супруге своей, сказал:

– Что ты, Наташа, не весела сегодня?

– Да разве я бываю когда-либо веселее? – возразила княгиня, причем щеки её покрылись густым румянцем.

– То-то мне и не любо! Я сильно люблю тебя и хотелось бы видеть тебя довольною и веселою. Пора бы забыть прошлое и привыкать к настоящему. Неужели ты почитаешь себя несчастной. Жена ты русского боярина, уважаемого при дворе и любимого стрельцами, окруженная рабами, что ж ты потеряла?

– Я давно привыкла покоряться своей судьбе. Да будет на все воля Божья, – отвечала княгиня.

Из дальнейшего разговора Хованского с его супругой выяснилось, что княгиня была дочь Мазепы, влюбленная в Дорошенко, втайне от отца своего бежавшая за последним, когда он, по взятии русскими Чигорина, бежал со своими приверженцами. Она была на пути своем перехвачена стрельцами и сделалась военною добычею стрелецкого полковника князя Хованского, который до того времени не знал, что она дочь Мазепы. Больших трудов последнему стоило уверить Наташу, что жених её убит, когда Хованский пожелал на ней

жениться.

Эти воспоминания прошлого взволновали собеседников. Души их обременены были тягостною тайною, которую они не решались до сего времени открыть друг другу. Княгиня тихо плакала, а князь молча ходил по комнате. Наконец княгиня решилась прервать тягостное молчание, сказав:

– Когда ты, князь, увидишься с преосвященным Досифеем? Надобно его расспросить подробнее о мальчике, которого он прислал.

– Завтра нарочно поеду к обедне в монастырь и после службы зайду к нему в келью. Хотя я и заранее знаю, что ничего от него не выведаю, а все-таки попытаюсь, авось проговорится, – отвечал обрадованный Хованский перемене разговора, столь тягостного для него.

– Кланяйся, князь, и от меня преосвященному.

– Буду кланяться. Ступай, княгиня, а я просмотрю здесь некоторые полковые бумаги и скоро приду к тебе.

Княгиня молча поклонилась и вышла. Едва затихли ее шаги, как в дверь комнаты, где остался князь, кто-то постучался. Хованский пригласил войти. В комнату вошел низенький, юркий человечек с седою бородкою и лысою головою; он, озираясь во все стороны, подал Хованскому грамоту.

Долго разговаривали между собою собеседники. Хованский с видимым почтением относился к пришедшему старикашке, называя его Алексеем Степановичем. В заключение

разговора князь написал на клочке бумаги, подвернувшимся под руку нисколько строк, вручил его старикашке и они расстались. Долго еще после этого Хованский сидел в глубоком раздумьи. Лицо его по временам омрачалось, то снова сияло радостными мечтами, порожденными честолюбивыми помыслами.

Глава II

На утро вся Москва была пробуждена томным, протяжным звоном больших колоколов во всех церквах и вскоре распространилась весть о кончине царя Алексея Михайловича, которая произвела удручающее впечатление на москвичей, боготворивших своего батюшку Царя.

Царь Алексей Михайлович был из числа тех редких Государей, которые не умирают в воспоминаниях своих народов.

Вступив на престол в 1645 году он нашел Россию страждущею от тех ран, которые ей нанесли самозванцы и поляки. Последние, как тавро и шведы, лежали еще тяжелым гнетом на раменах России.

Алексею Михайловичу со скудными средствами казны приходилось вести борьбу с сильными врагами. Слабый Венценосец пал бы под тяжким бременем, Царь сильный духом, но упорный в применении крутых мер легко мог испортить дело. Но по счастью России Бог послал ей, в лице Алексея Михайловича, Царя мудрого и кроткого, который умел пользоваться всем к достижению своих целей. Словом, в течение 31 года своего царствования, он медленно, но верно клал прочное основание будущему величию и славе России, предоставляя счастливейшим своим преемникам строить на заложенном фундаменте исполинское здание, изумляющее ныне весь мир.

Одним из счастливейших событий царствования Алексея Михайловича было присоединение к России Украины, которая занимала местность по обеим берегам Днепра – от реки Буга до Десны и населена была полукочующим воинственным племенем и по происхождению своему и по вере сродным России. Но это племя, теснимое с одной стороны татарами, а с другой стороны поляками принуждено было платить дань тем и другим. Стефан Баторий, король польский, высоко ценя заслуги украинских казаков, защищавших от нашествия крымских татар пределы его королевства, даровал им многие важные преимущества. Но с воцарением короля Сигизмунда, всячески притеснявшего казаков, вся Украина возмутилась. Явился в среде украинцев Богдан Хмельницкий и повел ожесточенную борьбу с поляками за свободу своего отечества. Но так как Украина была слаба для борьбы с Польшей, то Богдан Хмельницкий послал в Москву депутатов от украинских казаков просить Царя Алексея Михайловича принять их в свое подданство. Царь Алексей Михайлович милостиво принял запорожцев под свое покровительство, предоставив им право избирать себе правителей. Но не долго пользовалась Малороссия тишиною и спокойствием. С одной стороны внутренние несогласия правителей её, с другой стороны подстрекательство поляков были причиною постоянных смут. Насколько Богдан Хмельницкий, Выговский и Самойлович принесли Малороссии пользу, настолько Дорошенко и наконец Мазепа своими гордыми замыслами и

интригами вредили ей.

В столь тяжелые времена скончался мудрый Царь Алексей Михайлович, оставив после себя трех сыновей и одну дочь. Старшему сыну Феодору было 19 лет. Слабый здоровьем, он вступил на престол. Со стороны внешней политики царствование его было не блистательно. С поляками он возобновил перемирие еще на 13 лет, а с турками на 20 лет, объявив Заднепровскую Украину независимою, кроме Киева, Василькова, Триполя и Стайкова. В деле внутреннего управления Россиею великим государственным делом Феодора Алексеевича было уничтожение разрядных книг и происходившего от них гибельного наместничества. Чрез это открывалась дорога истинному дарованию полководцев, которые прежде подчинены были выпискам из разрядных книг и великие подвиги могли быть награждаемы Царями по заслугам без справок о местничестве.

Здоровье Царя Феодора Алексеевича видимо упадало и предвещало близкую кончину, которая ужасала всех благомыслящих Русских людей, 27 апреля 1682 года всеобщее опасение сбылось. Феодор Алексеевич скончался, и в скором времени на Русском горизонте стали накопляться грозные тучи. Царевичи Иоанн и Петр были малолетние и Правительницею была назначена вдова Царица Наталья Кирилловна, но по проискам дочери её властолюбивой Софии это не состоялось. Она сама захватила в свои руки бразды правления и, несмотря на то, что по завещанию Феодора Алексе-

евича престол всероссийский принадлежал Петру, помимо старшего брата его Иоанна, слабого здоровьем, она настояла, чтобы на престол вступил Иоанн. Когда бояре, сановники и духовенство отправились к Иоанну с извещением, что по воле народа он избирается Царем, то трепещущий Царевич принял их предложение сказав: «Я не отрицаю быть царем, но из снисхождения ко мне прошу вас допустите любезного брата моего Петра царствовать со мною». Все удивились этому возражению, но никто не решился противиться воле Избранника. 23 июня совершилось коронование обоих Царей. Необычайно и опасно было разделение самодержавной власти между двумя лицами. Это разделение давало Софии верный способ к захвату в свои руки самодержавия.

Главными помощниками коварной Софии были: князь Василий Голицын, Милославский и Хованский. Первый был назначен канцлером, а последний главным начальником всех стрельцов. Но власть этих сообщников была ненавистна Софии и она задумала избавиться впоследствии от них удалением их с государственного поприща хитростью или силою, происками или новыми злодеяниями. Таковой награды всегда должны ожидать люди усиливающееся возвыситься путем измены и заговоров. Но возвратимся в дом Хованского, который мы оставили с того времени, как в нем появился Гриша.

Глава III

Спустя полгода после появления в доме Хованского Гриши, был подкинут второй ребенок по имени Саша и также при записке преосвященного Досифея. Хотя в те времена подобные подкидыши считались благословением Божьим, но на этот раз князь Хованский вознегодовал, сделал строгие розыски и потребовал от преосвященного Досифея объяснений. Но преосвященный объявил, что оба мальчика поручены ему родителями бедными и честными, а как в монастыре воспитывать их он не имеет права, то для призрения сирот и избрал дом Хованского, как известный ему по сердоболию и милосердию своему. Такие доводы и преосвященного Досифея заставили князя и княгиню примириться с подкидышами и воспитывать их наравне со своим сыном.

В характерах Гриши и Саши вскоре обнаружились совершенно противоположный наклонности: Гриша был мальчик бойкий, веселый, не терпящий никакого принуждения и не переносивший малейших обид со стороны окружающих его, тогда как Саша был скромен, тих, охотно принимавший на себя вину Гриши и молодого князька. Гриша был любимцем князя, а Саша – княгини. Между собою оба приемыша были очень дружны, но князька они недолюбливали. Слепая покорность последнему всех его окружающих были предметом зависти приемышей.

Грише минуло девять лет, а Саша был годом моложе его, в то время когда скончался Царь Феодор Алексеевич. Хованский пожелал обучать грамоте всех трех мальчиков и дело это поручил священнику своей домашней церкви. Более других успехи в науках оказывал Саша и менее всех Гриша. Вообще успехи всех детей были не блистательны, а потому Хованский нанял для них учителя немца, славившегося тогда в Москве своею ученостью Появление его в доме Хованского произвело большой переполох между всею дворнею Хаванского. Из-за угла смотрели они на. немца и дивились, что еретик похож на человека и по-русски умеем баить.

С первого же урока данного детям немцем все они, особенно ленивец Гриша, получили большую охоту к ученью и обучение пошло быстрыми шагами.

Хованский по-прежнему окружал свою супругу нежною заботливостью, а княгиня по-прежнему была покорна и молчалива. Тишина обыденной жизни в доме Хованского нарушалась подчас бойким Гришей. Князь мало бывал дома, но непрестанно всем интересовался.

Так шло дело до времени возвышения Хованского, когда он сделался начальником всех стрельцов. Стремление его к единовластию и первенствующей роли в делах управления русским государством породили в нем зависть к Милославскому и Голицыну. Он был мрачен и задумчив, домашние дела совершенно не интересовали его. Даже любимец его Гриша не всегда развлекал его, а подчас даже раздражал его.

Однажды он вошел в покои своей супруги и, сев около окна задумчиво смотрел на площадь.

– Что с тобою, друг мой, сталося? – робко и с нежною заботливостью спросила княгиня. – Я никогда не видала тебя столь расстроенным. Нет ли тебе беды какой от царского двора?

При этих словах княгини лицо Хованского вспыхнуло и он с видом надменности, погладив свои усы и бороду, сказал:

– Это мы еще увидим, кто кому может приготовить беды…

– Боже мой! Уже не стрельцы ли опять?..

– Нет… Но дело в том, княгиня, – возразил Хованский, понизив голос и опустив глаза, как бы не решаясь произнести роковое слово, для чего он и пришел.

Но употребив над собою насилие, он успел подавить в себе чувство нерешительности и сказал:

– Вот о чем я хотел поговорить с тобою, княгиня: мы живем в такие времена, когда всякий умный человек должен позаботиться, как о пользе своей собственной, так и о пользе своих сограждан. Забыв все прошлое, которое против нашей воли соединило судьбу нашу столь тесно, я уверен, что ты не откажешься принести ради меня некоторую жертву, какую потребуют обстоятельства…

Сказавши эти слова, которые ему столь трудно было произнести, князь ласково взглянул на свою супругу и замолчал в ожидании ответа. Княгиня смутилась от этой фразы, за-

стигшей ее врасплох. Она некоторое время молчала, придумывая ответ и устремив испытующий взор на своего супруга. Наконец, горестно покачав головою она кротко произнесла.

– Буди во всем воля Божья и твоя, князь. Вера учит нас терпеть, закон – повиноваться. Без ропота я покорюсь судьбе моей. Говори, князь, решительно и откровенно, чего ты от меня желаешь потребовать? Что ты со мною намерен делать?

– Это все мечты, предположения которые быть может и не сбудутся, но я, любя тебя искренно, хотел приготовить тебя, чтобы внезапная перемена не повредила твоему здоровью. Но божусь тебе, что нет еще ничего решительного. Теперь только я отправлюсь куда надобно, чтобы это кончить. Мне надобно видеть, до чего простирается наглость Милославского и умничанье Голицына. Пора принять меры решительные. Каждодневный отсрочки только увеличивают их дерзость. Что бы ни случилось обещай мне, княгиня, исполнить мою волю, которая состоит в следующем: отправляясь по серьезному делу, если бы я не вернулся ни сегодня, ни несколько дней домой и ты услышишь обо мне дурные вести, то в ту минуту брось весь дом и поезжай с детьми в Воскресенский монастырь, тот самый, что в сорока верстах от Москвы. Под божницею, у меня в комнате, найдешь ты грамоту к преосвященному Досифею и с нею ты будешь у него безопасна. Не забудь взять с собою приемыша нашего Александра, которого Досифей сумеет скрыть. А если бы тебя стали допрашивать где он, то отвечай, что он пропал без вести во время

твоего бегства. Все это я говорю тебе, княгиня, на случай какого либо несчастия со мною. Прощай, княгиня! Будем надеяться, что Бог избавить нас от всяких бед.

Сказав эти слова, князь поспешно вышел из комнаты. Лице его было бледно и он казался сильно взволнованными Долго смотрела безмолвно княгиня на дверь, за которою исчез её супруг, и слезы ручьями текли по её щекам. Ею овладело состояние, похожее на тяжелый сон, от которого спящий хочет проснуться и не может. Удар колокола к поздней обедни пробудил княгиню и она шатаясь подошла к киоту и, став на колени, начала горячо молиться.

Глава IV

Князь Хованский, выйдя из дома отправился в Кремль, где его ожидали выстроившиеся полки стрельцов. Поздоровавшись с ними он начал производить воинское учение, по окончании коего благодарил полки за их искусство и пожаловал им из своих денег некоторую сумму на вино.

Такой подарок главного начальника восторженно был встречен стрельцами.

Вслед затем Хованский вошел в кремлевский дворец и просил у царевны Софии аудиенции. Царевна София дозволила ему явиться к ней. На этой аудиенции Хованский предлагал царевне ниспровержение Милославского и Голицына и кроме того сделал еще одно безумное предложение. Но на все эти предложения он получил отказ.

Тогда он решился отомстить Софии и отправился ко вдовствующей царице Натальи Кирилловне, но принять был ею так холодно, что не решился высказать ей ту причину, которая побудила его явиться к ней.

Потерпев и здесь неудачу Хованский вернулся домой, где застал всех в большом переполохе. Спросив первых встретившихся ему в передних комнатах слуг, он ничего не мог от них добиться Наконец он вошел в покои своей супруги и глазам его представилась следующая картина: Гриша стоял на подоконнике открытого окна и на лице его видна была

непреклонная отвага и решимость: около окна стоял Саша и плакал; бледная княгини с прижавшимся в ней сыном стояла посредине комнаты с видом отчаянья.

– Что тут у тебя случилось, княгиня? – сурово спросил Хованский.

– Я хотела… вот этот шалун… только не сердись, мой друг, пожалуйста, – лепетала дрожавшим голосом княгиня.

– Да говори же, что случилось? – грозно спросил Хованский.

– Пустое, друг мой… детская ссора… я хотела наказать этого шалуна, а он вскочить на окно и грозит соскочить с высоты в пруд, если к нему кто либо прикоснется, – ответила княгиня.

– Сойди долой, негодный! – закричал князь Хованский.

– Если ты мне дашь свое княжеское слово, что не будешь меня сечь, то я сойду, а если нет, то брошусь вниз, – с решимостью, не свойственною детям отвечал Гриша и подвинулся на самый край окна.

Княгиня затрепетала и голосом отчаянья проговорила:

– Сойди, Гриша, князь дает тебе слово.

– Так и быть, обещаю тебе, сойди.

Медленно соскочил Гриша с подоконника и, подойдя к князю, поцеловал его руку.

– Что же ты, негодный, тут напроказил, если уже княгиню вывел из терпения? – спросил суровым голосом Хованский.

– Да видишь что, стали мы играть в солдаты. Я как стре-

лецкий десятник стал учить ребят. Саша сейчас понял, а Вася пребестолков. Я и приказал поставить его в палки, а он начал кричать, ругать меня холопом, подкидышем… Я не стерпел и дал ему оплеуху. Он заревел и все сбежались и хотели меня сечь; но я лучше брошусь в пруд, чем допущу до этого.

Лицо князя вспыхнуло от гнева и он закричал:

– Как же ты осмелился поднять руку на моего сына – природного князя? Разумеется, что ты холоп, подкидыш, которого я из милости кормлю, пою и одеваю. Вот я тебе задам самому двести палок, да и со двора сгоню. Эй, Фомка, батожья!

Не успел Хованский оглянуться, как Гриша снова очутился на подоконнике, говоря со слезами на глазах:

– Стрелецкий десятник не холоп. А тебе, князь, стыдно попрекать меня своим добром. Отец Иоанн сказывал, что ты обязан был это сделать во славу имени Божия. Еще же стыднее, князь, изменять своему слову. Ты велел мне сойти с окна и обещал меня не трогать.

– Лжешь, негодный! Я обещал тебя не сечь, – но если ты видел, как наказывают стрельцов за шалости, то должен по уставу и выдержать наказание, иначе я тебя исключу и выгоню из стрельцов и тогда ты будешь холопом, выбирай теперь сам.

Гриша призадумался, слез медленно с окна и, подойдя к князю, сказал:

– Так и быть, вели принести палок.

Покорность ли мальчика или другие размышления остановили Хованского. Он опустил голову, задумался и после некоторого молчания сказал:

– Послушай, Гриша, если я прощу тебя и сегодня же сделаю тебя стрелецким сотником, будешь ли ты мне благодарен и всегда верен?

– Меня? Сотником! да я твой образ выменяю и закабалю себя на всю жизнь. Приказывай, что хочешь, – с радостью вскричал Гриша, целуя попеременно то одну, то другую руку князя.

– Тебе уже пятнадцатый год, Гриша, и ты можешь понять, чем ты мне обязан, – продолжал Хованский, – я не попрекаю тебя моим добром, но будет может быть время, что я тебе его напомню. Рука твоя и голова всегда должны принадлежать мне. Ступай же ты теперь в стрелецкий приказ, я напишу бумагу о пожаловании тебя сотником. Потом ты явишься к полковнику Муромцеву и будешь уже жить со стрельцами. Каждое утро ты будешь приходить ко мне с донесением о том, что я тебе буду приказывать накануне. Поди теперь простись со всем домом и приходи ко мне чрез час за бумагами.

Самолюбие Гриши было удовлетворено и он, вместо того, чтобы печалиться, расставаясь с домом Хованского, где он провел десять лет при нежной заботливости о нем князя и княгини, радостно обежал весь дом, всех перецеловал и сообщил им о своем внезапном повышении. При прощании ему оказали больше всех ласки Саша и княгиня. Первый

горько плакал, теряя верного друга своего детства, а княгиня, сурово относившаяся всегда к Грише, вдруг оказала ему столько нежности, что он сам прослезился. При этом княгиня напомнила Грише, чтобы он каждый день навещал их дом. Вырвавшись из объятий княгини, Гриша поспешил к князю, получил от него несколько родительских наставлений, бумаги и кошелек с деньгам. Мальчик поцеловал руку князя и поспешно отправился к новому месту своего назначения.

Положение Хованского, восстановившего против себя царевну Софию и всех временщиков было крайне затруднительно и он, несмотря на слепую к нему преданность стрельцов, не знал на что решиться. В свою очередь и София, имевшая до сих пор твердую опору в стрельцах, боялась Хованского, а потому она стала заискивать и всячески угождать царице Наталье Кирилловне и брату Петру, постоянно жалуясь им на стрельцов вообще и Хованского в особенности. По её совету царственная семья переехала из Кремля в село Коломенское, откуда царевна София возила попеременно своих братьев то в Саввин, то в Воскресенский монастыри. Хованский, оставшись в опустевшей Москве, хозяйничал как ему вздумалось: он поил стрельцов, приобретая тем еще большую их к себе преданность и не особенно обращал свое внимание на жалобы граждан на буйства и неистовства стрельцов.

В сентябре месяце стали являться к Хованскому лица,

приближенный к царевне Софии и советовали ему повиниться царевне. На это он отвечал: что всегда рад верою и правдою служить царевне, но будет ожидать ее приказа явиться к ней. Вечером 16-го сентября он получил от Софии записку следующего содержания:

> «Любезный князь!
>
> Виноватых судит Бог, – Нам никогда не было причин к ссоре, а вот уже сколько месяцев мы с тобою не видались. Не лучше ли облегчить сердца взаимною откровенностью? – Если царевна не могла сделать того, чего ты желал, то в сердце Софии ты не мог сомневаться. Вспомня старинную нашу дружбу, ты, князь, верно не забудешь навестить завтрашней именинницы.
>
> *София».*

Вручитель записки этой между прочим добавил, что царевна просила его не брать с собою стрельцов и многочисленная поезда, дабы не огорчить юного царя, с которым она якобы желала его сблизить. Князь обещал повиноваться и с радостью сделал распоряжения к завтрашнему отъезду.

С рассветом 17 сентября весь дом Хованского был уже на ногах, так как большая часть дворни должна была следовать за ним. Из стрельцов его должны были сопровождать полковник Одинцов с десятью отборными сотниками.

Весь поезд его состоял из 50 человек, но этим Хованский не нарушал воли царевны Софии, так как по существовав-

шим в то время обычаям праздничный поезд высокопоставленного человека мог простираться до 300 человек.

В числе назначенных в поезд был и Гриша, который, вместо того, что радоваться подобно своим сотоварищам, сидел задумчиво у ворот и ожидал с видимым нетерпением когда окончатся все приготовления к отъезду.

Несмотря на всю суету происходившую в доме Хованского по случаю отъезда, княгиня вспомнила о Грише и велела его позвать в горницы.

Гриппа вошел и, перекрестившись на образа, подошел к князю и княгине и поздоровался с ним. Он казался мрачным, так что князь весело спросил его:

– Что ты, Гриша, надулся как мышь на крупу? Не здоров ты, что ли?

– Нет, я здоров, а так взгрустнулось – плохой сон видел, – отвечал Гриша.

– Страшен сон, да милостив Бог, дружище. Да разве уж кто-нибудь растолковал тебе твой сон? Расскажи-ка мне, что ты видел, я быть может растолкую тебе по своему, – сказал князь.

– Вот этого то, князь, я и боюсь, потому что ты ничему не поверишь.

– Не поверю? Что ты, Гриша! Я старинный коренной христианин. Знаю, что Божий перст и во сне умудряет слепцов. Но все-таки ведь не все же сны вещие, есть же пустые. Ну же рассказывай, а мы с княгинею будем объяснять.

– Тут нечего объяснять, князь, потому что виденный мною сон был наяву.

– Что за вздор! Что же такое? – спросил Хованский с выражением удивления на своем лице.

После непродолжительного молчания, в течение коего на лице Гриши заметна была нерешимость и некоторая борьба, он сказал вполголоса:

– Сегодня ко мне приходил тот самый дядечка монах, который меня маленького привел в твой дом, князь.

– Как, откуда он взялся? – вскричал князь.

– Не знаю, он мне этого не говорил, – отвечал Гриша.

– О чем же он с тобою, Гриша, говорил?

– Он не велел мне ехать с тобою сегодня к царевне.

– Только-то? Так пожалуй не езди, я тебя насильно не тащу.

– Да я-то непременно хочу ехать с тобою, чтобы тебя защитить или умереть с тобою, – решительным тоном проговорил Гриша.

– Что ты за чепуху городишь? Защитить… умереть… Да разве мне грозить опасность в пути? Какую гиль насказал тебе твой дядя чернец невидимка! – возразили, смеясь, Хованский.

– Вот в том-то и дело, только он не велел мне тебе сказывать, – ответил Гриша.

– Почему же, разве он мне желает зла?

– Не знаю, только я за твои благодеяния ко мне не хочу

скрывать от тебя того, что слыхал от монаха. Я спал крепким сном, как вдруг, пред рассветом, чувствую, что меня кто-то будит. Проснувшись, я увидел пред собою монаха, который мне сказал: – «Знаешь ли ты меня?» – Не помню, батюшка, – отвечал я ему со страхом. – С лишком десять лет тому назад я привел тебя в дом Хованского, – сказал монах. – Теперь вспомнил! – отвечал я. – «Молчи! Никто на свете не должен знать кто я и где я и слушай, что я тебе скажу: не езди сегодня с Хованским к царевне, его постигнет там несчастье. Не смей ему об этом сказывать, потому что это не поможет ему. Скоро я к тебе опять явлюсь и тогда мы с тобою поближе познакомимся».

Сказавши эти слова, монах исчез, я встал и, несмотря на запрещение монаха, решился идти к тебе и рассказать все, что слышал.

Конечно, сколько я могу припомнить свое младенчество, монах этот кормил, поил меня и всегда запирал в своей кельи, не разговаривая со мною ни одного слова и за это я обязан ему благодарностью; – но ты князь, с доброю княгинею десять лет пеклись обо мне, как родные и я готов за вас умереть. А потому, что ни случилось бы с тобою, я еду и разделю твою судьбу.

С минуту князь призадумался, потом встал, перекрестился и, с принужденною веселостью в голосе, сказал:

– Так поедем же, Гриша, и ты увидишь, что монах говорил вздор. Мне ни откуда не грозит опасность. Народ меня бо-

ится, стрельцы готовы положить за меня свои головы, а царевна София приглашает меня на пир и дружбу. Разве Милославский и Голицын, но что они мне сделают без воли царевны? Нет! Дядечка твой видно какой-нибудь лазутчик у моих врагов, который чрез тебя хотел напугать меня, чтобы я и сам не поехал сегодня по приглашена царевны Софии. Итак, едем! Гей! Все ли готово к отъезду, – вскричал Хованский, высовываясь из раскрытого окна.

Фомка доложил, что все готово.

– Прощай, княгиня! Помолимся вместе на дорогу и не будем больше думать об этом вздоре, – сказал Хованский.

Бедная, расстроенная княгиня, не отвечая ни слова, встала, подошла к киоту, упала на колени и заплакала.

– Что ты, милый друг! – вскричал князь, – успокойся. Если б я не был уверен даже, что все сказанное монахом – чистый вздор, то и тогда не боялся бы, потому что никакой вины за собою не знаю. Обними же меня и будь спокойна. А как я уеду, то вели отцу Иоанну отслужить молебен «Всем Скорбящим». К вечеру жди меня домой.

Хованский хотел было выйти, но княгиня остановила его. Она взяла Гришу за руку и, подведя его к киоту, положила руку свою на его голову и сказала:

– Господь да благословит и наградит тебя, дитя мое, за твое доброе намерение и привязанность к нам. Будь всегда так честен и верен своему долгу и совести и покров всех святых осенит тебя посреди опасностей.

Гриша преклонил колени и с благоговением поцеловал руку княгини, которая в избытке чувств склонилась и поцеловала голову Гриши.

– Ну, полноте! – ласково сказал князь, – пора ехать, ведь не близко. Прощай, княгиня.

Хованский вышел, Гриша последовал за ним, а княгиня, не будучи в силах провожать их, присела на скамью и долго просидела в состоянии какого-то оцепенения, не замечая даже того, как слезы струились по её щекам.

Поезд тронулся по направлению к селу Воздвиженскому и народ с любопытством и страхом провожал главами проезжающих. Проехав верст десять, поезд Хованского обогнал отряд войска под командою боярина Лыкова, от которого Хованский узнал, что в тот день назначена большая соколиная охота, а отряд его будете изображать почетную стражу для обоих царей.

Гриша, ехавший рядом с Хованским на резвом скакуне вдруг сказал, когда отряд Лыкова остался уже позади.

– Утро сегодня было ясное и всяк мог рассчитывать на хорошую погоду, но смотри, князь, какая там вдали надвигается черная туча. Она поднимается из под Воздвиженского и Бог весть чем разразится над нашими головами.

– Не больше, как дождем, от которого мы укроемся в селе Пушкине, которое отсюда близко. Это еще не так страшно, – сказал смеясь Хованский.

Через несколько минуть поезд Хованского въехал в се-

ло Пушкино, где, к удивлению последнего, царила мертвенная тишина. Все вороты в домах были заперты и село представлялось пустым. Посреди села протекала неширокая речка, но с крутыми берегами, которые были соединены между собою деревянным мостом, довольно ветхим и шатким. Едва Хованский со своими спутниками спустились к мосту, как услыхали позади себя топот коней. Вскоре объяснилось, что за ним следовал отряд Лыкова. Не видя в этом обстоятельстве ничего подозрительного, Хованский переехал через мост и стал взбираться на противоположный берег; примеру его последовали и спутники его; но тут и впереди поезда послышался шум. Хованский невольно оглянулся назад и с ужасом заметил, что отрядом Лыкова ставятся позади рогатки, отрезывавшие ему путь отступления, причем сразу заметил, что отряд этот имеет самые неприязненные намерения. Хованский никогда не знал страха, но в эту минуту какое-то грустное чувство стеснило его грудь. Он опустил голову и выпустил из рук своих поводья, пробегая в уме своем все вероятности того, что совершалось пред его глазами. Одинцов и Гриша, пришпорив своих лошадей выскочили на противоположный берег, но были встречены выстрелами, от которых лошадь под Гришею пала. Тогда Одинцов и Гриша бегом прибежали к Хованскому и объявили, что и по сю сторону закинуты рогатки. Хованский взобравшись на верх, увидел многочисленный отряд и закричал:

– Что вы за люди и что вам от меня надобно?

– По приказу царевны Софии я арестую тебя, – послышался позади его голос Лыкова.

– Ты лжешь, боярин! Она вчера прислала мне самое дружественное письмо и я еду к ней. Не могла же она выдать против меня опальной грамоты, – вскричал Хованский.

– А вот видишь выдала и приказала схватить тебя. Отдай мне свою саблю и поедем к царевне, – сказал Лыков.

Как громом пораженный этими словами, Хованский стоял несколько минут без слов, без мыслей и почти без чувств. Наконец, окинув взглядом свою свиту и отряд Лыкова и, видя невозможность борьбы, он остановился печальным взглядом на Гриши и сказал ему вполголоса:

– Ты был прав, Гриша, я не послушался тебя и теперь погиб, увлекая за собою и тебя и друзей моих в беду.

Гриша, желая выручить Хованского, бросился было на Лыкова, но ошеломленный ударом сабли по голове, упал без чувств.

Мрачен и безмолвен как могила следовал Хованский за отрядом Лыкова, и долго не мог дать себе отчета во всем сейчас происшедшем пред его глазами. Около полудня прибыли они к месту пребывания Двора и Хованский с ужасом увидел приготовленный для него эшафот.

Спустя несколько времени Хованский был казнен по распоряжению вышедшего из царских покоев Милославского.

Глава V

Солнце склонялось уже к западу, тускло освещая своими догорающими лучами одну избу села Пушкина, в которой под образами на лавке лежал в бесчувственном состоянии молодой человек, голова которого была повязана белым рушником, окровавленным в нескольких местах. В изголовья у молодого человека сидел монах, который от времени до времени прикладывал свою руку к голове лежавшего. Полуседая борода, резкие, мрачные черты лица и проницательный взор монаха делали его страшным. В избе, как равно и на улице, никого не было видно, потому что жители села с раннего утра были угнаны с приказом не возвращаться домой до солнечного заката.

Пред самым закатом солнца раненый очнулся, застонал от боли в голове, открыл глаза и несколько минут с равнодушным любопытством смотрел на черный потолок избы. Монах увидел его пробуждение, но не хотел прерывать первых его мыслей со сна и только с живым участием следил глазами за всеми его движениями. Наконец, внимание проснувшегося обратилось и на окружающие его предметы. Встретившись взором с блистающими глазами монаха, раненый, забыв о своей ране, вскочил и, сидя на скамье вперил свой взор в монаха.

– Каково тебе, друг мой Гриша? – спросил монах, усили-

ваясь смягчить свой суровый голос.

– Это ты, дядечка? Где же я? Жив ли или на том свете? – вскричал Гриша.

– Что твоя голова? – сухо произнес монах.

– Голова?.. А что? – спросил Гриша, схватив себя за голову и тотчас вскрикнул от боли. – Да теперь помню… Бедный князь… Мы не послушали тебя, дядя, и наказаны за это. Не знаешь ли что случилось с князем? – прибавил Гриша.

– То, что и со всеми нами должно будет когда-нибудь случиться. Людей, подобных ему не заставляют долго ожидать окончания дела. Приятели его верно уж поторопились, – мрачным голосом проговорил монах.

– Что ты хочешь сказать, дядя?

– То, что одним злодеем стало меньше, – отвечал монах.

С недоумением смотрел Гриша несколько минуть на монаха, не говори ни слова. Хоть он и да понимал тайного смысла речей его, но угадывал, что гибель Хованского свершилась, что это ужасное событие приятно монаху, что следовательно он из числа тайных врагов его. Но кто же этот таинственный монах? Почему он врагу своему Хованскому вверил десять лет тому назад своего племянника, о сохранении коего он, по-видимому, столь сильно заботился? Все эти вопросы толпились в уме Гриши, но он слишком мало знал обстоятельства того смутного времени, а потому он снова перешел к вопросам об участи князя и княгини.

На эти вопросы монах сурово отвечал, что, хотя и не был

там, куда отвезли Хованского, но может побожиться, что его в живых уже нет. Что же касается до княгини, то участь её должна быть одинакова со всеми вдовами опальных бояр: ее запрут в монастырь, постригут против её воли, а имущество возьмут в казну.

– Милосердый Боже! Надо ее поскорее уведомить, чтобы она бежала и захватила с собою хоть все ценное из имущества, – вскричал Гриша.

Что то похожее на улыбку, мелькнуло на поблеклых устах монаха и он, покачивая головою, проговорил:

– Дитя мое! Как же мало учил тебя немец познанию света. Бежать, бедной Елене бежать! Куда?

– Послушай, дядя, – сказал Гриша нахмурив брови. – Ты может быть и хороший человек, но слова твои никуда не годятся. Если ты хочешь, чтобы я тебя любил и повиновался тебе, то во-первых, никогда не говори ничего дурного о князе и княгине; а во-вторых придумай средство спасти княгиню от грозящей ей опасности.

– Я уже давно послал ей радостное известие, что муж её не существует в живых, – холодно отвечал монах. – Спасти же ее от предстоящей участи может одна сила; а мы с тобою вдвоем не в силах победить полки Милославских и царевны Софии. Если ты чувствуешь, что рана твоя позволяет тебе, то мы с тобою, с наступлением ночи отправимся в Москву, явимся в стрелецкие слободы и расскажем об участи постигшей их начальника. При помощи стрельцов быть может Еле-

на будет спасена, а без этого она наверное погибла.

– Так едем же сейчас. Ране мне не мешает. Сними с меня эти полотенца, – возразил Гриша.

– Нет, друг мой, ты должен носить эту повязку трое суток, потом уже я сам сниму ее и осмотрю твою голову. Впрочем, когда я перетащил тебя сюда с улицы и внимательно осмотрел твою рану и, не найдя ни малейшей опасности, дивился, почему ты так долго лежал без чувств.

– Теперь я все помню, – сказал Гриша. – Когда задний отряд врубился в нашу кучку, то я уже был ранен в голову, но вероятно слегка, потому что стоял на ногах и рубил саблею во все стороны; но вдруг, оглянувшись, увидал, что на нас скачет конный отряд и, прежде, чем я мог что либо придумать к своей защите, лошадь с налета ударила меня грудью в голову и я повалился под нее, а больше ничего не могу припомнить.

– Это самое и спасло тебя от неминуемой смерти, дитя мое. Я с утра следовал за тобою, с горестию глядя на твое непослушание моим заповедным речам. Ни к чему теперь упреки? Кто знает, что все это случилось к лучшему. Тебе, конечно, жаль Хованского?

– Без сомнения. Но я тебя не понимаю, дорогой мой дядечка, твои речи столь таинственны. Объясни мне хотя малость, о чем ты хлопочешь, – возразил Гриша.

– Придет время, когда ты, сын мой, все узнаешь; а теперь ты еще молод. Скажу тебе только, что я отнюдь не осуждаю

твоей благодарности Хованскому и привязанности к княгине Елене. Напротив, подобные чувства облагораживаюсь молодость и поощряют к великим делам. А когда ты будешь постарше, то собственным опытом узнаешь, чего стоят все люди! Незачем загадывать вперед, еще успеешь вдоволь натерпеться. Идем!

Гриша хотел было выйти из избы, но монах остановил его и, с неприсущею ему нежностью сказал:

– Еще одно слово, Гриша. Вчера я предостерегал тебя, сегодня вытащил из могилы, а теперь знаешь ли куда веду тебя?

– Куда? В Москву, к стрельцам, – отвечал Гриша, глядя с недоумением.

– Но знаешь ли чем кончаются предприятия подобные нашим.

– Нечего тут думать! Идем! – сказал порывисто Гриша.

Монах опустил руку Гриши, подошел к образам, сделал три земных поклона, шепотом проговорил молитву и, подойдя к Грише, простер руки над его головою и глухим голосом произнес:

– Пойдем, дитя мое.

После этого монах взял Гришу за руку вывел на двор, отвязал двух лошадей, вероятно заготовленных раньше и сначала помог Грише сесть, а потом сел сам и крупною рысью наши путники направились к Москве.

Только на рассвете они прибыли в стрелецкие слободы,

где царствовало всеобщее смятение, так как стрельцы уже узнали о казни князя Хованского. Без толку говорили все разом и не знали на что решиться. Но появление в их среде таинственного монаха положило конец бестолковому гомону. Все замолчали и прислушались к речи его. Смысл которой состоял в том, чтобы идти в Троицкую лавру и требовать выдачи Голицына и Милославского, главных виновников смерти Хованского. Бессмысленная толпа стрельцов повиновалась таинственному монаху и безпорядочно двинулась к Троицкой лавре. Впереди этой толпы шли монах и Гриша. Последний шел как-то подневольно, не принимая никакого участия в буйстве своих сотоварищей стрельцов. Подойдя к воротам Троицкого монастыря, монах снял с себя рясу и оказался одетым в костюм воина, что Гришу весьма удивило, так как он никогда не видел своего дядю в подобном наряде.

Ворота монастыря были заперты и таинственный монах требовал, чтобы их немедленно отперли, грозя в противном случае войти в монастырь силою. Стоявшие на монастырских стенах стражи отвечали, что они испросят на то разрешение игумена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.